

ЛЕНИНГРАДСКИЕ знакомые нам завидуют. Мы идем к Юрскому. Не на Юрского, а к Юрскому. Впрочем, если бы мы и шли на Юрского, нам все равно завидовали бы — попасть на спектакль с его участием сложно. Он играет в спектаклях, на которые обычно стремятся весь Ленинград и все другие города, где гастролирует Большой драматический театр Товстоногова. В этом смысле лучше кино: попасть на киносеанс легче, а снимается Юрский регулярно и тоже в основном в удачных лентах — «Человек ниоткуда», «Время, вперед!», «Республика Шкид».

Мы в театре: может быть, стоит следовать пунктуально сценическим законам? Выстроить декорации — создать спортивный фон? Попросить буфатора принести ракетку или мяч? Гримера наложить спортивный грим — усилить Юрскому загар, подтянуть нос, придать чемпионский вид? Но тогда и пьесу хорошо бы сочинить из спортивной жизни: чем же лучше проверить отношение актера к теме? А вдруг Юрский откажется — выбор ролей у него, слава богу.

— Как вы относитесь к пьесам из жизни спортсменов (хотели бы сыграть роль спортсмена)? — спросили мы позже (уже в середине разговора) Юрского.

— Я не убежден, что такие пьесы очень уж нужны. Точнее, так же, как и вообще все пьесы, замкнутые в узко-профессиональный круг проблематики, вряд ли это представляет общечеловеческий интерес: пьесы из жизни поваров, пьесы из жизни гомеопатов, кондукторов, манекенщиц, из жизни бегунов на средние дистанции.

Мы ждали Юрского, пока он доигрывал спектакль «Я, бабушка, Илико и Илларион». Разговор с нами Юрский начал в гриме Илико, сохраняя легкое эхо акцента. Он стирал грим (акцент угасал) и возвращался в Юрского. Хотя Илико и удивлялся некоторое время нашему визиту.

— Боюсь не оказаться вам полезным. От спорта я далек. (Интересно: не так давно, беседуя с корреспондентом «Недели», Юрский определенно назвал виды спорта, которыми занимался, правда, в связи со съемками — стрельба, фехтование, бег. В нашем же случае он от спорта отрекался. Очевидно, считал: им рекорды нужны или фанатизм завязного болельщика). — Вам бы лучше к Кириллу Лаврову обратиться, он все знает про спорт, со спортсменами дружит. (Тут начала проявляться драматургия, амплуа театральные стали рельефнее — заслуженный артист РСФСР Лавров — частый партнер Юрского, он часто играет его противников по пьесе, антиподов: допустим, Юрский — Чацкий, Лавров — Молчалина). — А я далек. Не болею ни за какую команду. На матчи не хожу — времени нет, а если случается свободный вечер, то, извините, выбираю театр — не стадион. На театры (чужие) ведь тоже времени нет. Ну когда уж особо ответственные

соревнования, международные, — я непременно подключаюсь, смотрю, переживаю.

— Вы не подумайте, что я принципиальный враг спорта. (Напишите еще: Юрский отрицает спорт). Просто я не спортсмен и не болельщик: скучный, наверное, объект для спортивной газеты? Но я чувствую большую общность нашего театрального дела и спорта. Я говорю не только про связь утилитарную — что и нам, артистам, нужна хорошая физическая форма и что большая роль, длинный спектакль требуют поставленного, как у стайера, дыхания. Я еще и про другую, главную, на мой взгляд, общность — про публичность нашей работы и про гамбургский счет. При чем уверен: гамбургский счет, истина нравственных ценностей в спорте иногда выражена и сильнее. Я совсем посредственный и нерегуляр-

слова о публичности нашей театральной и спортивной жизни). Ехал на «Стреле» в Москву, со мной в купе возвращались после игры в Ленинграде три хоккеиста из «Спартака», расстраивались: не так приняла публика.

С другой стороны, спортсменам (не из зависти ли я это скажу?) на свою аудиторию грех жаловаться. Спортивный зритель очень благодарный. Причина? Оптимальная форма самовыражения, скорее всего. Современный городской человек вроде бы и хочет известного одиночества, некоторой изоляции (скажем, отдельную квартиру) и вместе с тем не может без людей — жажда общения, желание максимально, вслух выразить общественный темперамент. А стадион дает для этого неограниченную возможность.

Мне кажется, спорт стал инте-

БЕЗ ГРИМА, В НЕВЫСТРОЕННЫХ ДЕКОРАЦИЯХ

ный зритель спортивных соревнований, но газету вашу читаете, слежу за событиями и воспринимаю их драматизм, ни в коей мере не остаюсь к ним равнодушным.

Кроме того, по-моему, в спорте столь же психологически важно

реснее, щедрее в зрелищном плане — люди спорта, по-моему, больше стали интересоваться эстетической стороной соревнования.

Мы, когда едем вместе с Лавровым в Москву, обязательно встречаем в «Стреле» кого-нибудь

ствия — все равно интересно. Интересно думать о нем в связи с его профессией. Он не рассказывает анекдоты, не поет, не изображает — разглагольствует, а театр продолжается. Не-

объяснимо возникает выразительность недоговоренного, приблизительно сформулированного. Интересно, когда полужест превращается в синоним слова или словосочетания, или движения, неуместившегося в глаголе. Интересно, когда кисть мягко лежит ладонью на спинке стула — и левая рука отдыхает, как спит, не участвует в разговоре, а правая смазывает грим с лица, отраженного в зеркале, и одновременно замирает, разбив запятой или точкой полет произнесенной фразы. И за всем непродуманная точность движений — отчего не-близость становится значимой.

Это все исключительно от бога? Физические упражнения ни при чем? Да и занимался ли Юрский спортом когда-нибудь?

— Я вырос в цирке. В цирке, как нигде, люди активно не хотят быть рабами собственного тела. В цирке я и привык серьезно относиться к своим физическим возможностям и сознательно развивать их. В Ленинградском университете, где я учился, спорт считался обязательным. Я прилично бегал. Ничего особенного, но прилично, с неплохими результатами. В театральном институте у нас движение преподавалось превосходно, педагоги были замечательные.

В кино без тренажа — тоже плохо. Те же драки возьмем. Существует две теории о драках на экране. Одна — драться на полном серьезе. Бить так бить — без скидок. Вторая — противоположная — никаких реалистических ударов, имитация, актер играет полученный удар, а партнер его

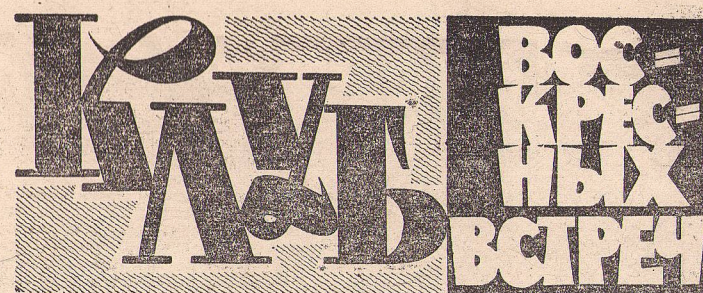
различия: премьера и второй спектакль. Премьера — всегда подъем, нервный всплеск. Объем волнений дает не всегда заслуженный качественный скачок, плюс. Делаешь лучше, чем ожидали. На втором спектакле — гораздо труднее. Происходит нервный спад, а спокойной техники еще нет, не нарабатывали.

Я смотрел на аэродроме в Шереметьево повторный матч хоккея с «Селтиком» (по телевизору) и прекрасно понимал состояние наших игроков — тот же второй спектакль.

Или вот вспомнил, как-то

из известных спортсменов (Лавров их всех знает) и обязательно разговариваем (или они к нам ходят или мы к ним), и столько узнаешь неожиданно своеобразного, после чего нельзя относиться к большому спорту иронически и свысока — в нем все настоящее и есть над чем подумать и с чем-то личным сопоставить.

Есть зрители, видящие чуть ли не основную трудность актерской профессии (в период работы над ролью) в заучивании авторского текста. Разумеется, не механического заучивания (все знают высокий интеллектуальный ценз современного театра), а в атмосфере соответствующих размышлений, чтения источников, изучения эпохи и т. д. Однако все лучшие намерения (любого уровня искусствоведческая эрудиция) — в театре ничто без пластического истолкования.

даже не задевает. Я за второй метод. Когда бьют по-настоящему, когда в глазах артиста неподдельная физическая боль, я не могу смотреть фильм, искусство для меня прекращается, я думаю о судьбе исполнителя, как он, что он? Был у нас в театре Ричард Харрис (герой фильма «Таков спортивная жизнь»). Он рассказывал: в их ленте нет ни одного натуралистического удара. Чистая имитация — в фонограмме: удары по куску сырого мяса.

Были моменты, когда Юрский выглядел просто идеальным гостем нашего воскресного клуба. Но он готовил нам коварный удар напоследок.

— От ежедневной утренней зарядки я отказался. Раньше делал очень основательную, а последнее время чувствую — устаю, снижается работоспособность. Отказался. У нас в репертуаре сейчас физических нагрузок хватает...

Мы хотели не заносить в блокноты малодушные слова артиста. И уговорить Юрского сказать нам что-нибудь сугубо спортивное, типа: «Верю в успехи нашего «Зенита», «Жить не могу без обтирания холодной водой до пояса», «Помогите мне раздобыть автограф Эдуарда Стрельцова».

А после передумали. Оставим так, как есть, как на самом деле было. Неужели он покажется таким далеким от спорта: Сергей Юрский — без грима, в невыстроенных декорациях.

Этот номер подготовлен специальными корреспондентами «Советского спорта»: А. АВДЕЕНКО, И. ВИНОКУРОВЫМ, В. ГАЛАКТИОНОВЫМ, А. МАРЬЯМОВЫМ, Ю. МОРГУЛИСОВ, А. НИЛИНЫМ, Г. ПОПОВЫМ, Н. ТАРАСОВЫМ, Н. ШАГИНЫМ.